

© 2002 г. Г.Ф. БЛАГОВА

ИСТОРИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В ТРУДАХ А.Н. САМОЙЛОВИЧА ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА¹

К 1918–1919 годам А.Н. Самойлович был вполне сложившимся разносторонним крупным ученым: как языковед он по материалам собственных полевых исследований еще в 1903 году сделал первое лингвистическое описание одного из туркменских говоров², а позднее, в 1912 и 1913 гг. исследовал диалектные особенности туркмен (трухмен) Ставрополя, написал первую грамматику крымско-татарского языка, прежде малоизученного, и "Руководство для практического изучения османско-турецкого языка" (см. [Самойлович 2002 : 8]); много и плодотворно занимался изучением фольклора и этнографии тюркских народов [Абрамзон 1978], и особенно – источниковедением (например, много его статей посвящено активным источникам Джучиева улуса, см. [Усманов 1978] и прочим письменным памятникам древности).

Вместе с тем ближайшей своей специальностью А.Н. Самойлович считал историю среднеазиатско-тюркских литератур и историю литературных языков – для него, востоковеда традиционно широкого профиля, история литературного языка по самой сути своей неотделима от истории литературы. И в научной, и в педагогической деятельности он чуть ли не со студенческой скамьи готовил себя к тому, чтобы с честью выполнить завет своего учителя П.М. Мелиоранского: «Издание даже только наиболее важных древних турецких текстов и составление хотя бы к некоторым из них глоссариев, конкорданций и пр. – работа огромная, требующая многих научно-подготовленных и аккуратных работников. Да позволено мне будет в заключение

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-04-00161а. Доклад на эту тему сделан на 16-м традиционном заседании памяти акад. А.Н. Кононова, проведенном кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета 26 октября 2001 г. и посвященном 95-летию со дня рождения. В своем тексте мы используем общепринятую ныне этнолингвистическую терминологию ("тюркский", "среднеазиатско-тюркский", "тюркология"); в цитатах из работ Самойловича оставляем его написания ("турецкий", "среднеазиатско-турецкий", "туркология", "Неваи").

² См. "Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта. (Грамматика, тексты, словарь)", шесть общих тетрадей (РНБ. Ф. 671. Д. 129). Полевая работа продолжалась: "... иду дальше в глубь текинских аулов. (...) что же касается моих лингвистических занятий, то пока еще прислушиваюсь к текинской и вообще туркменской речи, благо имею возможность в здешнем ауле наблюдать кроме теке еще эрсаринцев и саларов из Керки (...). Для меня уже вполне теперь ясно, что, во-первых, существует вопреки уверениям А.А. Семенова (рецензия на туркменскую грамматику Агабекова) **особое туркменское** наречие; во-вторых, вопреки уверениям Вамбери существует разница между говорами различных туркменских племен (не только в лексикологии, но и грамматике) (...). Просмотрел вместе с текинцами (...) туркменские названия предметов этнографической коллекции, собранной Дудиным, и немалое количество соделанных им промахов лишний раз подчеркнуло истину, что этнограф должен быть знаком с языком изучаемого им народа" (из письма Самойловича В.В. Бартольд у от 1.IX.1906 г.: ПФ АРАН, Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Даже отдельные фрагменты одного письма позволяют оценить роль ученого в становлении и развитии туркменского языкознания и диалектологии (ср. [Азимов, Чарыаров 1973 : 75]).

пожелать их побольше нашей плохо возделанной ниве, которая, как и всякая "целина", принесет после обработки несомненно особенно обильные плоды» [Мелиоранский 1900 : 144].

Будучи в мировом масштабе признанным знатоком средневековых рукописей, Самойлович, где он ни бывал – на Востоке или в Западной Европе, повсюду разыскивал манускрипты и привозил в Петербург (Петроград) или их оригиналы или фотографические копии, а порой терпеливо и тщательно переписывал их сам³ (например, "Мубейин").

Добытые им рукописные тексты А.Н. Самойлович тщательно обрабатывал и всесторонне исследовал; полученные при этом новейшие результаты он непременно вводил в семинарские курсы, приобщая тем самым студентов к своим изысканиям (см. об этом ниже). Одновременно тексты подготавливались к изданию в виде книг или статей. Самойлович, можно сказать, был в первой половине XX в. единственным из отечественных тюркологов, кто, став истинным продолжателем востоковедных традиций в этой области, с такой интенсивностью занимался эдиционно-исследовательской, текстологической деятельностью⁴.

Своими изданиями туркменской исторической поэмы XIX в. "Книга рассказов о битвах текинцев" [Абду-с-Саттар казы 1914]⁵ и текстов "Собрание стихотворений императора Бабура" [Самойлович 1917а], а также ранней своей работой по осуществлению посмертного издания своего учителя П.М. Мелиоранского "Шейбани-наме" Мухаммеда Салиха⁶, он фактически заложил теоретические основы научного анализа средневековых тюркских текстов, разработал эдиционно-исследовательскую методику их обработки (см. [Благова 2000]). При этом Самойлович опирался прежде всего на различие текстов стихотворных и прозаических. Он считал необходимым даже "различать прозаическое правописание от стихотворного", имея в виду, что при квантитативном стихосложении "поэты искусственно производят в потребных случаях долгие и краткие слоги, то обозначая гласный на письме, то пропуская, а иногда

³ Вот как он писал об этом В.А. Гордлевскому 29.VIII.1913: "А я май провел в Крыму на курсах, июнь и июль в Западной Европе: Будапешт, Вена, Париж, Берлин. И там и здесь собирал занятых материалов, о коих будете постепенно узнавать из орус'ов..." (цит. по [Баскаков 1973: 88]). Сообщая В.В. Бартольд о предстоящей командировке в Туркестан с "основным поручением от Комиссариата иностранных дел: ознакомиться с современным положением Средней Азии и представить объективное описание", Самойлович в письме от 22.I.1921, из Москвы подчеркивает особо: «Одновременно имею в виду и научную работу: 1) занятие в бухарских и хивинских библиотеках и архивах; 2) собрание печатной литературы; 3) диалектические (т.е. диалектологические. – Г.Б.) наблюдения особенно для установления отличий между узбекским наречием и "сартскими" говорами; 4) этнографические наблюдения и сбор фольклорных материалов» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

⁴ Из западноевропейских тюркологов в этой связи можно было бы назвать, к примеру, его старшего современника Г. Вамбери. Но при этом следует принять во внимание слова Самойловича из письма к Гордлевскому от 29.III.1911: «Не могу собраться окончательно отделать рецензии: (...) 3) на "Юсуф и Ахмед" Вамбери (ну, и издание, и примечание!)» (цит. по [Баскаков 1973: 87]).

⁵ Современные ученые рассматривают эту книгу как "образцовое всестороннее филологическое исследование произведения туркменской художественной литературы" [Азимов, Чарьяров 1973 : 74], и с этим нельзя не согласиться. Самойлович же в письмах к Гордлевскому корил себя за "столь неряшливо прокорректированную книгу" (7.X.1915); из рассказов его о защите этой книги в качестве магистерской диссертации: "Высыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками" (20.I.1915), цит. по [Баскаков 1973: 87].

⁶ См. [Мелиоранский 1908]. Самойлович довел до конца начатое его учителем печатание "Шейбани-наме", исправляя при этом несомненные описки (что отмечено в соответствующих сносках); продолжил "указатель собственных имен", разбив его на три части "I – указатель имен географических; II – указатель имен племенных и названий людей по местностям, предкам и начальникам; III – указатель личных имен"; снабдил издание подробнейшим Предисловием «О поэме "Шейбани-наме" и об ее авторе Мухаммеде Салихе» [Мелиоранский 1908: I–XV].

и прямо искажая слова..." [Абду-с-Саттар казы 1914: 012]. Ученый подробно исследует поэтические вольности в метре поэтического текста и классифицирует их на определенные группы в зависимости от того, проявляются ли они в орфографии, синтаксисе или лексике текста [Абду-с-Саттар казы 1914: 026–066]; большое внимание уделяется также рифме, как правильной, так и неправильной [Там же: 067–078].

Принятая им система издания текста подразумевала учет "погрешностей стихотворного текста против метра и рифмы", причем все это осуществлялось Самойловичем в условиях отсутствия в медиевистике не только научных работ по среднеазиатско-тюркской просодии и риторике, но и исследований по среднеазиатско-тюркской орфографии и грамматике.

Творческий подход к подготовке средневековых текстов к изданию позволил Самойловичу сформулировать четыре принципиальных условия, без выполнения которых не может быть осуществлен ни научный перевод, ни адекватное, подлинно научное комментирование литературного памятника – как правило, при отсутствии его критического текста. Эти условия суть: 1) знание языка памятника во всех деталях и тонкостях; 2) предварительная серьезная текстологическая работа над имеющимися списками; 3) использование фундаментальных словарей, как например "Опыт словаря тюркских наречий" В.В. Радлова, чагатайских словарей, грамматических и других пособий также и по тем тюркским языкам, которые изучены более чагатайского; 4) широкое и всестороннее знакомство с литературой – исторической, историко-географической, этнографической (восточной, европейской, российской) [Самойлович 1994: 76–84].

Ставя перед собой цель "внести свою лепту в подготовку материалов как по исторической грамматике литературного среднеазиатско-тюркского языка с его подразделениями, так и истории среднеазиатско-тюркской литературы" (эти два направления исследования для него были неразрывно связаны) [Абду-с-Саттар казы 1914: XIX], Самойлович видел программные задачи, определяющие осуществление этой цели, в следующем: «1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их; 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных памятников; 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде "Опытов"» [Абду-с-Саттар казы 1914: XIV].

Во исполнение своего плана А.Н. Самойлович после издания ч. I – Текстов "Собрания стихотворений императора Бабура"⁷ с 1917 г. по март 1919 г. работал над критикой текста этих стихотворений (включая цитаты из них в "Бабур-наме", в чагатайских словарях, равно как и стихотворения, не вошедшие в изданные им сборники – Парижский и Рампурский) и занимался переводом изданных стихотворений (см. подробней [Благова 1997]). Сохранилась огромная папка объемом в 612 листов (РНБ. Ф. 671. Д. 82), автограф чернилами и карандашом. Названа папка в соответствии с ее составом: "Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем".

В результате проведенного нами постраничного обследования Д. 82 определены состав и структура как этой единицы хранения, так и собственно труда Самойловича. Прежде всего из состава труда были вычленены многочисленные листы, чужеродные по отношению к работе Самойловича над переводами стихотворений Бабура. Затем был отделен пласт черновых переводов, выполненных по большей части карандашом, и соответственно пласт перебеленных переводов, написанных чернилами. Особый пласт составили листы, на каждом из которых рукою Самойловича написан текст стихотворения; эти листы, видимо, были переписаны ученым еще при подготовке к изданию части I – Тексты, а затем вторично использовались в целях перевода.

⁷ О всестороннем изучении им замечательных Записок "Великого Могола" – "Бабур-наме" – на протяжении почти двух десятилетий см. [Благова 1993].

Большая часть "Собрания стихотворений Бабура" оказалась переведенной на белом; привлечением же черновиков удалось составить почти полный корпус переводов стихотворений этого собрания. Переводы предварены обширной вводной частью ("Предисловием"), посвященной атрибуции цитат из стихотворений Бабура, а также критике текста в связи с раздельным рассмотрением цитат двух видов: во-первых, тех, в которых стихотворения, частями или полностью, введены автором в его прозаическое сочинение "Бабур-наме, и, во-вторых, тех, которые обнаружены в чагатайских словарях ("Санглях", "Абушка", чагатайско-османский словарь Шейха Сулеймана Бухарского, "восточнотюркский" словарь Паве де Куртейля). Имея в виду, что приведенное выше название Д. 82 не является авторским (скорее всего, оно дано архивариусом), следует уточнить заглавие содержащегося в Д. 82 труда: труд Самойловича должен именоваться "Переводы стихотворений императора Бабура".

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что часть II – Переводы "Собрания стихотворений императора Бабура" – была закончена А.Н. Самойловичем в авторском исполнении. А это свидетельствует о принципиально важном факте научной биографии и исследовательской деятельности А.Н. Самойловича: в своей эдиционно-исследовательской практике он неотступно следовал разработанной им программе ("опубликование и перевод неизданных памятников и всестороннее обследование их"). На этом факте приходится акцентировать внимание потому, что учет его позволяет кардинально изменить оценку того "типа ученых", к которому якобы принадлежал Самойлович. Дело в том, что достаточно широкое распространение получило мнение, согласно которому "А.Н. Самойлович принадлежал к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм – статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии (...)" [Ашнин 1978а: 13]. К тому же до последнего времени бывало представление о том, что после публикаций 1973 г. (журнал "Советская тюркология") и 1978 г. ("Тюркологический сборник 1974") содержательно архивы Самойловича в основном исчерпаны. Ср., однако, его сообщения о своем "обширном архиве... законченных и незаконченных работ-рукописей" [Самойлович 2002: Прим. к с. 7], а в письме к В.А. Гордлевскому от 31.X.1931 г. – о том, что работы его "за последнее время... выходят все реже и реже" (цит. по [Баскаков 1973: 91]).

Всестороннему обследованию "Собрания стихотворений императора Бабура", видимо, должна была быть посвящена третья часть этого издания, во всяком случае он предполагал составить "словарь, тесно связанный с текстом", ибо "для чтения чагатайской поэзии существующие словари мало разработаны. Первая задача исследователя поэзии – дать материал для словаря" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. I и Л. 7).

Но ситуация в стране резко менялась; возможно, в предчувствии кардинальных перемен и в своей жизни А.Н. Самойлович торопился выполнить задуманное им. Мысль его обращается к большому труду с емким, но несколько аморфным названием "Турецкие этюды" (РНБ. Ф. 671. Д. 100), который он составлял из своих историко-лингвистических статей (написанных в разное время), видимо, попутно с работой над "Собранием стихотворений императора Бабура". Об этом свидетельствует, во-первых, архивная датировка этой огромной рукописи в 839 листов: 1917–1918 гг.; во-вторых, датировочная запись ("январь 1918 г.") на л. 172 большой его статьи «К какой из турецких литератур отнести роман XIII века "Иосиф и Зулейха"?, которая также включена в состав "Турецких этюдов".

План "Турецких этюдов" их автором был неоднократно подвергнут изменениям. Так, в середине рукописи находится такой вариант плана: «I. Из истории турецких литератур: 1) Четверостишия-туйуги Неваи. 2) "Иосиф и Зулейха" Алиа. 3) Боз-йигит. 4) Старотурецкий тефсир на Коран»⁸. II раздел вычеркнут полностью, сбоку

⁸ Пункты 1 и 3 из этого плана Самойловичем были опубликованы как самостоятельные статьи. Статья о тефсире осталась неопубликованной. Впоследствии тема тефсиров стала предметом исследований А.К. Боровкова [Боровков 1949; 1963].

приписано карандашом: "напечатано" (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 411). Вместе с тем на листах 116–163 расположено, видимо, продолжение этого плана: «III – Среднеазиатско-турецкие поэты, цитируемые в двух словарях "Абушка" и в словаре Шейха Сулеймана (Бухарского)»⁹. Еще один план представлен в виде зачеркнутого "Оглавления": «I. Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам¹⁰. II. Старотурецкий "тафсир" Азиатского музея. III. Об одном термине крымско-татарских ярлыков. IV. Басма – байса. V. Старотурецкие предсказания на 12 лет звериного цикла. VI. Дополнение к вопросу о челеби» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 6).

Чем более погружался Самойлович в работу над "Собранием стихотворений императора Бабура" (а, может быть, на реалиях действительности убеждался, что его Переводы вряд ли будут опубликованы в России), тем заметнее сближался план "Турецких этюдов" с темой "Произведения Бабура и его современников". В этом проявился пересмотр взглядов ученого на его "Турецкие этюды": теперь это для него своего рода "сводная работа историко-литературного, грамматического и словарного характера". Приведем новый план "Турецких этюдов" ("Оглавление")¹¹, где, как можно видеть, произведения Бабура, их анализ, историко-литературоведческий и лингвистический, занимают главное место, и последующий фрагмент Предисловия, в котором объяснено, как складывалась книга.

«Предисловие. § 1. Связь настоящей работы с предыдущей: "Книга рассказов о битвах текинцев". § 2. План, приемы и цель настоящей работы.

Введение. I. О среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи. § 1. Литература предмета. § 2. Установление периодов. § 3. Вопрос о племенных литературах.

II. Средний, или чагатайский, период. § 1. Неваи. § 2. Лутфи. § 3. Хусейни. § 4. Второстепенные писатели. § 5. Общая характеристика поэзии среднего периода.

III. Император Бабур как писатель. § 1. Биографическая справка. § 2. Мемуары Бабура. § 3. Религиозный трактат "Мубеййин". § 4. Мистический трактат "Рисалэ-и Валидие". § 5. Мелкие стихотворения. § 6. (Название параграфа отсутствует).

Главная часть. Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание.

[Предисловие] Эта книжка составилась из статей, написанных мною за 1917 и 1918 годы в связи с изданием, переводом и исследованием "Собрания стихотворений императора Бабура". Неисчерпаемые богатства материалов по туркологии, большую частью не изданные и не обследованные, в особенности рукописные сокровища Петроградских книгохранилищ по востоковедению: Публичной библиотеки, Азиатского Музея, Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел и Петроградского университета, невольно отвлекли меня от первоначально намеченной цели, осуществление которой в изложенном свете пришлось отложить, и в результате появились "Турецкие этюды" (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. I, Л. 1–2).

Далее Самойлович подчеркивает, что его Этюды имеют «ближайшее отношение к истории среднеазиатско-турецкого литературного языка, которым я наиболее занимаюсь (...).

⁹ О лексикографической традиции в словарях чагатайского языка писал позднее А.К. Боровков [Боровков 1960].

¹⁰ Следует обратить внимание на достаточно полное соответствие названий литературоведческого раздела I (Ф. 671. Д. 100. Л. 6) и лингвистического раздела "VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам" (Ф. 671. Д. 100. Л. 846–852; см. нашу публикацию текста: [Самойлович 1997]). Остальные разделы (II–VI) зачеркнутого "Оглавления" так или иначе использованы и напечатаны Самойловичем.

¹¹ Это "Оглавление" (а по сути новый вариант плана "Турецких этюдов") впервые было опубликовано [Дмитриева 1978: 296], а затем, в составе других фрагментов из "Турецких этюдов" – [Благова 1999: 51–58].

"Турецкие этюды" вплотную примыкают к некоторым работам современных и старых отечественных туркологов, в частности – к трудам моего учителя П.М. Мелиоранского» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 4–5).

В этой обобщающей рукописной работе, главной частью которой должно было стать описание языка стихотворений Бабура, Самойлович стремился к выполнению двух важнейших своих исследовательских принципов. Во-первых, это принцип возможно более полного охвата материала; в соответствии с этим принципом он принял попытку "дать сводку данным о литературных трудах индийского императора и набросать в кратких чертах их общую характеристику" (Д. 100. Л. 27–28). Во-вторых, это принцип анализа литературного наследия писателя в широком историко-литературном контексте. В "Турецких этюдах" эта цель должна была достигаться, как явствует из "Оглавления", посредством общего обзора "среднеазиатско-турецкой литературы мусульманской эпохи" и периодизации этой литературы, с одной стороны, а с другой – посредством экскурсов-очерков творчества современников Бабура, особенно старших – Навои, Лютфи, Хусейни, а также второстепенных писателей. Более того: А.Н. Самойлович предполагал представить в этой части своей работы "сравнительное рассмотрение стихотворных произведений главнейших авторов среднего периода" (Д. 100. Л. 28).

В "Турецких этюдах" много внимания А.Н. Самойлович уделил "установлению периодов мусульманской эпохи среднеазиатско-турецкой литературы", начало чему положил его учитель П.М. Мелиоранский (Д. 100. Л. 11–14). Для периодизации истории как среднеазиатско-тюркских литератур, так и истории соответствующих литературных языков плодотворна мысль А.Н. Самойловича о размытости границ между отдельными периодами и существовании между ними своего рода "переходных зон" (Д. 100. Л. 14).

Как можно видеть из вышеизложенного, замысел создания "Турецких этюдов" по новому варианту плана был фундаментален. Для осуществления этого замысла требовалось много времени, много целеустремленного, напряженного труда. Рукопись "Турецких этюдов" в том виде, в каком она дошла до нас, содержит проспект (как мы назвали бы теперь) программных Предисловия и Введения, а также великое множество материала и всякого рода заготовок (выписок и набросков; переписанных Самойловичем от руки стихотворений различных чагатайских писателей).

Нельзя не признать, что в "Турецких этюдах" в довольно четкой конспективной форме излагается литературоведческая часть работы. Что же касается лингвистической части, то она представлена здесь чисто заявочно (см. выше). По рассказу Ф.Д. Ашнина, в 60-е годы существовала лингвистическая картотека Самойловича; заманчиво было бы предположить, что она могла содержать языковой материал для лингвистической характеристики стихотворений Бабура. Судьба картотеки, ее нынешнее местонахождение в настоящее время неизвестны.

Для осуществления перспективных замыслов А.Н. Самойловича в области истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в последующие два десятилетия у него уже не было ни времени, ни возможностей вести длительный, непрерывный текстологический анализ сложнейших средневековых арабографичных рукописей, требующих кропотливого и тщательнейшего изучения, невероятно трудоемкой работы.

Н.К. Дмитриев в зачеркнутом фрагменте автографа статьи "Восточная филология в Московском университете" писал: "[Крайне суровая жизненная реальность того времени была самым жестоким врагом нового московского востоковедения. Никакой личный героизм не мог поддержать того, что не находило себе социальной опоры и потому] Новое востоковедное здание должно было перестроиться в соответствии с новыми потребностями страны" [Дмитриев 2001: 156, примеч. 3].

В 20-е годы государственный масштаб задач языкового строительства, развернувшегося в стране, надолго отодвинул на задний план лингвистическую проблематику, значительно потеснил личные научные планы А.Н. Самойловича и затормо-

зил их осуществление. И все же в этих условиях он нашел в себе внутренние силы "вписаться" в тюркологию послеоктябрьского периода. По складу своего характера он не мог остаться в стороне от дела, живого и нужного для страны, для тюркских народов. Ученый принимал активное участие в обсуждении и решении проблем латинизации алфавита для тюркских языков, уделяя особое внимание разработке теоретических основ новой письменности, с одной стороны, и координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков, с другой. Он занимался также проблемами становления и развития младописьменных литературных языков; глубоко вникая в эти процессы, он рецензировал даже вновь написанные на этих языках буквари; в поле его внимания были и вопросы орфографии, терминологии.

Самойлович был привлечен и к дипломатической работе. В письме к В.В. Бартольд (22.I.1921) он писал, что ухватился "за возможность живой деятельности в Малой Азии, но в результате (...) застрял в Москве" (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Такая "возможность живой деятельности" предоставилась ученому в Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиках, куда он был командирован Наркоминделом РСФСР с марта 1921 по январь 1922 г. [Ашнин 1978а: 12].

После избрания его в 1922 г. ректором Петроградского института живых восточных языков Самойлович много занимается научно-педагогической и научно-организационной деятельностью, которая осознается им как жизненно необходимая – без нее невозможно реализовать свои научно-творческие планы. В письме В.В. Бартольд он делился своими соображениями на этот счет: "... теперь, ознакомившись ближе с запросами к нам на местах, я начал чувствовать, что мы – ленинградцы – должны поспешить с пополнением наших тюрковедческих сил, ибо наличным силам не справиться одним с той массой работы, которая возлагается советской эпохой на советского тюрковеда, действующего в научном центре страны" (20.VIII.1927: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Как видим, А.Н. Самойлович искал логику в тех обстоятельствах, которые отвлекали его от любимой им научно-исследовательской работы, от создания глубоко продуманной большой книги – "Турецкие этюды", уже давно начатой написанием. Он не жаловался на "невозможность отдаться серьезной научной работе", на "нелепые условия, заставившие нас всех делать все и только между прочим свое дело, тоже" [И.И. Толстой 1996: 166, 181]¹².

Работы прибавилось, когда в феврале 1925 г. А.Н. Самойлович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в январе 1929 г. – действительным членом АН СССР и почти одновременно стал академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук. С введением Устава 1930 г. он в марте 1930 г. был избран академиком-секретарем Отделения общественных наук и оставался на этом посту до марта 1933 г. С начала 1934 г. и до самой смерти А.Н. Самойлович – директор ИВ АН СССР, где одновременно заведует сектором литературы [Ашнин 1978а: 12–13]; как директор он, разумеется, обязан был к "красным датам" писать о советском востоковедении ленинской эпохи [Самойлович 1934: 793–794]; о роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения (его здравая позиция при обсуждении последнего вопроса отмечена современным исследователем [Тамазишвили 2000: 96]).

Мера повседневной занятости ярко показана в публикуемом ниже его письме к Н.И. Ашмарину от 18.IV.1930 г. (см. Приложение). Только в канун 1932 г. у А.Н. Самойловича появились основания надеяться на то, что и для него "предвидится сокра-

¹² В этом отношении весьма показательна копия "срочного заявления" проф. А.Н. Самойловича ректору I Петроградского университета (РНБ. Ф. 671. Д. 3). Речь в нем идет об исполнении Самойловичем трудовой повинности на Кожовской набережной против завода "Вулкан" 20 и 22 сентября 1919 г. и выражается настоятельная просьба, "чтобы завтра в 7 часов утра меня снова не тревожили несвоевременными приглашениями на работу, которую я уже выполнил".

шение организационной деятельности и усиление снова работы научно-исследовательской" (письмо В.А. Гордлевскому от 31.XII.1931; цит. по [Баскаков 1973: 92]). Но и это было иллюзией.

Пока же – при наличии "обширного архива своих законченных и незаконченных работ-рукописей" [Самойлович 2002: 7; см. также Самойлович 1928б: 6] – он печатал в различных изданиях заготовки к своим "Турецким этюдам", о чем можно было бы сказать его же словами: "Продолжаю тискать там и сям всякую мелочь, а крупного ничего выпустить не могу, и это меня очень удручает..." (письмо В.А. Гордлевскому от 22.X.1912; цит. по [Баскаков 1973: 90]). Теперь эти публикации предвараются безрадостными констатациями, вроде нижеследующих: «В марте 1917 года мною были сделаны выписки из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи "Мизāну-ль авзāн"...» [Самойлович 1926в: 105] или: "Продолжая использование архива незаконченных или неизданных моих работ..." [Самойлович 1927а: 257].

И тем не менее, начиная с 1924 г., среди публикаций Самойловича мощным потоком выделяются те самые неизданные его заготовки, которые в свое время подготавливались для "Турецких этюдов". О широте и глубине проводимого исследования может свидетельствовать уже один беглый обзор этих его статей: ведь за каждой из них стоит детальное, кропотливое изучение ученого-текстолога, тонкого знатока средневековых тюркских рукописей.

Здесь и поправки к изданию и переводу "Кутадгу билиг" [Самойлович 1924; 1928а], и целый ряд публикаций, посвященных поэтам чагатайского периода. В ряду последних следует назвать, прежде всего, исследование "Чагатайский поэт XV века Атай". По "единственной доселе изданной рукописи стихотворений поэта Атай", содержащей 269 газелей, напечатано выборочно 17 газелей, "интересных или в отношении метра, или по своим рифмам, или, наконец, по содержанию" [Самойлович 1927а: 265]; в соответствии с эдиционно-исследовательским планом, разработанным уже в его монографии о "Книге рассказов о битвах текинцев" [Абду-с-Саттар 1914], приводится подробное описание рукописи, сведения о ее авторе, стиховедческий анализ, заметки о языке произведений Атай и словарь употребляемых там слов (в каждой словарной статье учтены все известные ученому данные) [Самойлович 1927а: 257–274].

Чаще, к сожалению, удавалось опубликовать небольшие сообщения: краткий комментарий и текст, его перевод. Таковы статьи о туюгах Лютфи¹³ [Самойлович 1926а] и туюгах чагатайца Эмири [Самойлович 1926б]¹⁴, а также о хивинских туюгах XIX в. [Самойлович 1927б]. Некоторые произведения были обнародованы в отдельных фрагментах: трактат по просодии Навои¹⁵ [Самойлович 1926в], "Теашшук-наме" тимурида Сиди-Ахмеда [Самойлович 1927в], "Родословное древо Туркменское" Абуль-гази хана [Самойлович 1927г].

Видимо, в 20-е годы Самойлович приступил к изучению "Мухаббат-наме" Хорезми (см. последнее издание [Наджип 1961]; некоторые исследовательские результаты им использованы в [Самойлович 1928б]). Предполагал он также написать статью о ленинградской рукописи "Огуз-наме" (см. об этом [Самойлович 1927д]); другие исследователи "Огуз-наме" – Риза-Нур, П. Пельо, В. Банг, Э.Н. Наджип, А.М. Щербак), см. [Ашнин 1978а: 20]. Этим планам ученого не довелось сбыться.

В концептуальной статье "К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка" [Самойлович 1928б] ученый, помимо изучаемого им в тот период "Мухаббат-наме" Хорезми, обобщил также языковой материал романа "Хосрев и Ширин" Кутба,

¹³ В "Турецких этюдах" имеется небольшой подраздел, в котором содержатся различные выписки о Лютфи и его поэзии (Ф. 671. Д. 100. Л. 111–115).

¹⁴ Прежде была напечатана статья о туюгах Алишера Навои [Самойлович 1917б].

¹⁵ В архиве ученого (РНБ. Ф. 671) числится Д. 88 "Выписки стихов из произведений Навои – без даты, 571 карточка". Существование такого массива материала, естественно, не может не менять наших представлений о характере работы Самойловича над наследием великого поэта.

к подготовке издания копии которого он приступил еще в 1913 г.¹⁶, "Кысса-и Юсуф"¹⁷. На основании анализа этих и многих других памятников А.Н. Самойлович предложил «признавать *единый среднеазиатско-турецкий (а не "чагатайский" или "восточнотурецкий") литературный язык исламской эпохи*» и установить внутри этого языка *несколько периодов* его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» [Самойлович 1928б: 21]¹⁸. На Западе идеи А.Н. Самойловича были подхвачены, например, К. Броккельманом, причем "оригинальность" авторского освоения концепции Самойловича сказалась в заглавии труда немецкого ученого: "Восточнотюркская грамматика исламского литературного языка Средней Азии" [Brockelmann 1954].

31.XII.1931 г. Самойлович пишет Гордлевскому о своих "работах, которые за последнее время выходят... все реже и реже" (цит. по [Баскаков 1973: 91]; в этом отношении представляет интерес официальное письмо Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, адресованное акад. А.Н. Самойловичу и извещающее "о невозможности издания фольклорных сборников" (17.V.1934: РНБ. Ф. 671. Д. 39).

Научная и педагогическая деятельность проф. А.Н. Самойловича с самого начала неразрывно связаны между собой: свои исследовательские интересы и пристрастия, результаты обследования средневековых рукописей, в том числе и новонайденных, Самойлович активно внедрял в преподавательские планы и программы своих лекций, в семинарские занятия со студентами. Но если в научной работе в послеоктябрьский период ему приходилось поневоле ограничивать свои лингвистические и текстологические исследования рамками в основном ранее освоенного материала, то в преподавании он полностью сохранял прежние позиции, как это ясно показывает привлечение архивных материалов его педагогической деятельности и изучение его архивного наследия в целом (т.е. включая всякие заметки, выписки, отчеты, в основном, из разряда "II. Материалы служебной и общественной деятельности": РНБ. Ф. 671, особенно дела 66–76 и др.; эпистолярное наследие, поскольку в письмах сообщалось о его поездках в тюркоязычные республики и о лекциях, которые он там читал). Став в 1922 г. ректором Петроградского института живых восточных языков, он сообщил С.Е. Малову очень оптимистично: "Питерские востоковеды работают вовсю и на поприще науки, и на поприще преподавания" (24.XII.1922: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223).

Проф. А.Н. Самойлович продолжал читать все те курсы лекций и вести все те семинарские занятия, которые он вел с самого начала преподавательской деятельности – после смерти своего учителя П.М. Мелиоранского, сначала в качестве приват-доцента (в этой должности он утвержден 1 июля 1907 г.).

Разумеется, не обходилось и без разумных поновлений – изменялось (иногда – в соответствии с изменениями в этнолингвистической терминологии, иногда – в связи с новыми веяниями в тюркологии) название курса; содержание его приспособлялось к профилю учебного заведения, в котором читались лекции. Так, еще от П.М. Мелиоранского Самойлович унаследовал курс, который учитель называл "Введение

¹⁶ Черновой автограф его доклада, сделанного 3 октября 1913 г. на заседании Восточного отделения Императорского археологического общества, сохранился вместе с приложением – "Хосрой и Ширин. Перевод. Текст" (РНБ. Ф. 671. Д. 142. Л. 1–19, 20–37, 38–261; чернилами). Поздние исследователи этого памятника – Э.Н.Наджип и польский тюрколог А. Зайончковский.

¹⁷ «...я пользуюсь своей ненапечатанной статьей "К какой из турецких литератур относится роман XIII в. "Йосиф и Зулейха"?"» [Самойлович 1928б: 6]. О лингвистических аспектах этой статьи Самойловича, выполненной по тому же плану, что и статья о газелях Атай, см. [Благова 2000: 84–93].

¹⁸ Культурологическая идея единства среднеазиатско-турецкого литературного языка была заложена Самойловичем еще в Предисловие к "Турецким этюдам" [РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2–3].

в изучение турецких наречий"¹⁹, а он – "Введение в изучение турецких племен и наречий"²⁰ и позднее – "Введение в изучение турецких народов и языков" (РНБ. Ф. 671. Д. 69. № 1), а потом – "Введение в туркологию" (1923 г.). Во всяком случае еще в 1918–1919 учебном году Самойлович читал курс "Введение в изучение турецких народов и языков" и в Петроградском университете, и в Лазаревском Переднеазиатском институте на этнологическом, историко-филологическом факультете, причем в лекциях для студентов последнего института явно учитывалась их языковая специализация: лекции 1–2 назывались "Турецкий мир и Передняя Азия", а курс лекций включал в себя разделы: "I. Туранская теория и Переднеазиатский Восток; II. Турецкие элементы в современной Передней Азии. III. Переднеазиатское влияние на древний турецкий мир" (Ф. 671. Д. 69).

Годами складывался курс "Письменность и литература древних турецких народов", он, несомненно, создавался при опоре на многочисленные семинары, которые проводил Самойлович по рунике, истории средневековой литературы и истории литературы языков тюркских народов (см. об этом ниже). Курс "Письменность и литература древних турецких народов" числится как "Курс I" среди "Программ лекций по туркологии, прочитанных А.Н. Самойловичем в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 учебном году". Этот курс имеет тематическую разбивку по количеству лекций по каждой теме: "1) Историко-культурный обзор древних турецких народов (до образования Монгольской империи) – 12 лекций; 2) Орхон-енисейская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков – 5 лекций; 3) Уйгурская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков – 10 лекций" (РНБ. Ф. 671. Д. 69. № 2). Как можно видеть из сравнения этого плана с планом и содержанием раздела VII архивной работы А.Н. Самойловича "Турецкие этюды", курс лекций должен был содержать разбор тех самых первых двух периодов истории среднеазиатско-тюркской литературы, которые только намечены в разделе VII, и становится понятным, почему в этом разделе он не останавливается на этих периодах (см. [Самойлович 1997: 165–166]).

Как курс II в этих "Программах лекций" значится новый курс лекций "Основы общетурецкой сравнительной грамматики. Фонетика и морфология: 1) Обзор расселения турецких народов и племен от древнейших времен и поныне – 1 лекция; 2) Основные фонетические (звуковые) особенности главнейших турецких языков – 2 лекции; 3) Основные морфологические (грамматические) особенности главнейших турецких языков – 2 лекции; 4) Классификация турецких языков и наречий – 1 лекция". О том, насколько этот курс был тесно связан с научной работой Самойловича, могут свидетельствовать два факта: во-первых, в 1922 г. была издана его статья "Некоторые дополнения к классификации тюркских языков" [Самойлович 1922]; во-вторых, в письме к В.В. Бартольд от 4.VII 1925 г. он сообщал о своем замысле: "После составления трех грамматик: крымско-татарской, узбекской (собираюсь печатать) и османской мечтаю сосредоточиться на работе по сравнительной грамматике турецких языков..."²¹ (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Как работу, призванную теоретически

¹⁹ Сохранился писанный им студенческий конспект лекций Мелиоранского именно под таким названием (РНБ. Ф. 671. Д. 135). Авторское сжатое изложение этого курса см. [Мелиоранский 1902].

²⁰ См. лекции этого курса в записи студента А. Быкова (II курс), где название "Введение в изучение турецких племен и наречий" написано на л. 1 (РНБ. Ф. 671. Д. 73, датировано: 7.X.1917). В сообщении о том, что Самойловичу пришлось читать "лекции по введению в *тюрко-татарские языки*" [Ашнин 1978а: 10] (курсив наш. – Г.Б.), вкралась неточность: это подтверждается также использованием не свойственной ученому этнолингвистической терминологии.

²¹ Крымско-татарская грамматика: [Самойлович 1916а], османская грамматика: [Самойлович 2002]. О своей ненапечатанной узбекской грамматике ученый писал в 1925 г.: «кое в чем исправленное по сравнению с крымско-татарской грамматикой рукописное "Пособие для изучения узбекских наречий" (1919 г.)» [Самойлович 2002: 8]. См. также [Ашнин 1978а: 16].

подготовить переход к созданию сравнительной грамматики, можно рассматривать единицу хранения 121 (РНБ. Ф. 671) – "Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий" (материалы и выписки). Кроме того, в составе архивной рукописи "Грамматика чагатайского языка" (РНБ. Ф. 671. Д. 131; без даты) содержится "Часть II. Общие основы грамматики турецких языков" (в ее составе имеются заметки по проблеме "Учение о грамматических формах. Морфология").

В качестве курса III в "Программах лекций" стоит курс "Основы грамматики языка поволжских татар в историческом освещении" (на другом листке дан вариант "Основы исторической грамматики языка поволжских татар: 1) Учение о звуках (фонетика). Вопросы правописания. – 3 лекции; 2) Учение о формах (морфология) – 3 лекции; 3) Учение о сочетании форм (синтаксис) – 1 лекция; 4) Лингвистический анализ отрывков народной речи и произведений разных авторов (зачеркнуто: Литературного языка) – 3 лекции".

А.Н. Самойлович систематически вел ряд семинаров по чтению и грамматическому, лексикологическому разбору текстов средневековой тюркской литературы. Начиная с 1906 г., долгие годы он читает со студентами и разбирает замечательные "Записки" султана Захир эд-Дина Бабура; сохранившиеся связки сделанных им при этом выписок представлены тремя единицами хранения – РНБ. Ф. 671. Д. 74 и Д. 85; ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 1. Д. 16. С. 1908–1909 учебного года студенты на его семинаре учатся постигать рунические орхонские памятники. 1915–1916 учебным годом датированы сохранившиеся в архиве С.Е. Малова (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 49) записи лекций Самойловича с чтением и разбором текста "Кутадгу билиг"; об этих его лекциях в 1926–1927 учебном году пишет в своем отчете о занятиях в ЛГУ (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279) тюрколог Э.А. Шмидт (сын арабиста А.Э. Шмидта (1871–1939), учителя Самойловича). Подобные же лекции по этому карахандидско-уйгурскому литературному памятнику читались в 1928 г. во время пребывания Самойловича в Казани. В отчете Э.А. Шмидта упоминается также о семинаре Самойловича по чтению и разбору поэмы Кутба "Хосрев-у Ширин" (по фотографической копии с Парижской рукописи) (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279); имеются архивные сведения и о семинаре по чтению, переводу и разбору рукописи романа Али "Юсуф и Зулейха" (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. № 41).

На этих семинарах профессором "обкатывались" новые методические подходы к научному анализу средневекового текста – как поэтического, так и прозаического.

Для успешного проведения таких семинаров с чтением и разбором средневековых текстов студентам остро не хватало соответствующих пособий. А между тем, например, для занятий османско-турецким языком со студентами еще в 1915 г. А.Н. Самойлович, как он сообщал в письме В.А. Гордлевскому от 7.X.1915 г., готовил "к литографированному изданию практическую грамматику современного османского языка для Практической академии. Вслед за (османской) газетной хрестоматией отлитографирован сборник (османских) документов" (цит. по [Баскаков 1973: 89]; см. там же письмо от 4.IV.1916 г.). В этот же период ученый выпускает в свет пособие для Курсов украинских туземных языков для чинов судебного ведомства под названием "Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента" (отпечатано в электропаровой типографии О.А. Порцева) [Самойлович 1916б].

Можно предположить, что мысль о создании хрестоматии из поэтических образцов авторов чагатайского периода не была чужда А.Н. Самойловичу еще в период работы его над "Турецкими этюдами" по новому плану: уже тогда он располагал отобранными и прокомментированными (а в ряде случаев – и переведенными) текстами поэтов не только чагатайского периода, но также и более ранних, и более поздних периодов; к тому же он имел опыт литографированных изданий учебных пособий и хрестоматий. В Хрестоматии по истории среднеазиатско-турецкой литературы особенно нуждался Самойлович-педагог, стремившийся взрастить не только историков литературы, но в равной мере также и историков литературных языков (для него обе

эти специальности были нерасторжимы) с тем, чтобы общими усилиями выполнить заветы П.М. Мелиоранского [Мелиоранский 1900: 144].

Однако прямого высказывания Самойловича о задуманной им Хрестоматии по истории среднеазиатско-тюркской литературы найти нам не удалось, оставались только предположения; см. [Благова 2002]. В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что это предположение подтверждено документально – именно об этой Хрестоматии идет речь в первом из двух публикуемых ниже в качестве приложения писем Самойловича к Ашмарину – от 5.II.1925 г.

К тому же в огромной папке с рукописью переводов стихотворений Бабура при работе по определению ее состава и структуры мне удалось обнаружить листок из ученической тетради с планом Хрестоматии, где указаны не только тематические разделы, но и раскладка по листажу. Тематический охват материала беспримерен²² и грандиозен: от "Кутадгу билиг" (XI в.) до поэзии начала XX в. Приведем этот план Хрестоматии: «1/2 л. XI в. ("Кутадгу билиг") Юсуф Хас-хаджиб.

1 л. (зачеркнуто "1/2 л.") XII–XIII вв. Ахмед Ясеви, Хаким Ата. XIV в. Рабгузи.

5 л.²³ XV в. Атаи, Лютфи, Неваи, Хусейн Байкара.

2 л.²⁴ XIV в. Бабур, Мухаммед Салих.

1 л. XVII–XVIII вв.²⁵

1/2 л. XIX в. Кокандские поэты. 1 л. Хивинские поэты. 1 л. Туркменские поэты.

1 л. Восточнотуркестанские поэты. 1 л. Западнотуркестанские поэты.

1 л. XX в. Новая поэзия» [РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 121 (461)]. Итого: Хрестоматия была рассчитана на 15 авт. листов.

Как можно видеть, разделы плана Хрестоматии "XV в." и "XVI в." (Бабур) совпадают с соответствующими разделами "Турецких этюдов", и именно этим разделам отводился самый большой листаж в Хрестоматии.

Об увлеченности Самойловича идеей Хрестоматии свидетельствует и его письмо к В.В. Бартольду от 25.XI.1924 г., где в связи с открытием рукописи "Кутадгу билиг" в арабской транскрипции он выражает желание ознакомиться с рукописью "и использовать в моей работе, которую продолжаю" (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219); ср. в публикуемом ниже его письме к Н.И. Ашмарину от 5.II.1925 г. о том же: «Хрестоматию продолжаю подготавливать: сию над "Кутадгу билиг"».

Документальные данные о замысле этой Хрестоматии важны для нас, в первую очередь, потому, что свидетельствуют о сознательно планировавшемся Самойловичем прорыве – сквозь вечную занятость научно-организаторской деятельностью, необходимостью откликаться публикациями на злободневные темы (последние в письмах к Ашмарину он назвал "своими новыми шалостями") – к оформлению, опубликованию любыми способами труда всей его жизни. Он вполне сознавал, насколько необходимо вовремя ввести в научный оборот весь массив этого труда полностью: ведь Хрестоматия призвана была представить накопленный им обширный материал по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в упорядоченном, систематизированном и обобщенном виде.

В Хрестоматии, как это видно из ее плана, должны были быть сосредоточены, в основном, поэтические произведения. По убеждению же А.Н. Самойловича, "первая задача исслед.(ователя) поэзии – дать материал для словаря", и не просто словаря, а "словаря, тесно связанного с текстом" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 7, I). Исходя из этой необходимости, ученый задумал также составление чагатайского словаря – в дополнение к планировавшейся им "Грамматике чагатайского языка" (РНБ. Ф. 671.

²² Первым опытом хрестоматии средневековой тюркской литературы в России может быть назван труд [Березин 1857].

²³ Сначала было написано, вероятно, 2 л., поверх которого – 3 л., впоследствии исправлено на 5 л. (Прим. Г.Б.).

²⁴ Сначала было написано 1 л., затем исправлено на 2 л. (Прим. Г.Б.).

²⁵ После каждой из римских цифр – XVII в., XVIII в. – оставлено место для последующего вписывания соответствующих имен поэтов (Прим. Г.Б.).

Д. 131). Во всяком случае, его ученик и последователь К.К. Юдахин в письме к Самойловичу (без даты, с пометкой адресата "отв(ечено) IX. 1935 г."), сообщая о предстоящей своей поездке в Среднюю Азию, писал: "Этой поездкой мне хотелось бы воспользоваться и для беседы с узбекскими работниками по вопросу о их участии в работах по проектируемому Вами чагатайскому словарю" (Ф. 671. Д. 332). В силу неблагоприятно складывавшихся исторических и политических обстоятельств работа над чагатайским словарем и "Грамматикой чагатайского языка" была прекращена; среди архивных материалов не сохранилось тех, которые могли бы относиться к чагатайскому словарю²⁶.

В условиях тоталитаризма запрет, наложенный идеологами Узбекской ССР на термин "чагатайский" в связи с "антисоветской" деятельностью кружка узбекской интеллигенции "Чагатай гурунги", неминуемо проник в отечественную тюркологию в целом. Центральная фигура "Турецких этюдов" – император Бабур, завоеватель Хиндустана, наряду с принцем Мухаммедом Салихом и султаном Хусейном Байкара в Хрестоматии – с позиций теории обострения классово-борьбы в те годы – не могли не вызывать отрицательного к себе отношения. Словом, "Окружили невидимым тыном / крепко слаженной слежки своей..." (А. Ахматова). Тем самым судьба и "Грамматики чагатайского языка", и чагатайского словаря, и "Турецких этюдов", и Хрестоматии была предрешена: одни остались в архиве незаконченных рукописных работ, другие – в виде упоминаний в архивных бумагах.

Как видим, план Самойловича, чрезвычайно важный и ценный как в научном, так и в методическом и педагогическом отношении, остался нереализованным. Осуществление этого плана вовремя, несомненно, вывело бы историческое тюркское языкознание (как и историческое литературоведение) на принципиально новый уровень.

Невостребованными до сего времени оказались важные теоретические обобщения, содержащиеся как в опубликованных, так и в неопубликованных трудах А.Н. Самойловича. Таковы, во-первых, разработанные им принципы "всестороннего обследования памятников" истории тюркской литературы с охватом грамматики и лексики их языка²⁷; во-вторых, принципы, применение которых – при максимальном использовании достижений современной тюркской лексикографии (и особенно исторической лексикографии) – обеспечивает адекватность перевода средневековых памятников; в-третьих, плодотворная идея о размытости границ между отдельными периодами истории литературы, соответственно – периодами истории литературного языка, о существовании между этими периодами переходных зон.

Объективная оценка всей суммы того, что сделано ученым в области изучения истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, – дело будущего. Пока же ясно одно: труды А.Н. Самойловича в этой области знания в обобщенном и систематизированном виде полностью и своевременно не были введены в научный и научно-педагогический оборот, чем объективно было замедлено развитие лингвистической отрасли отечественной (да и мировой) тюркской филологии в XX веке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В заключение как приложение публикуются два письма академика А.Н. Самойловича к члену-корреспонденту АН СССР Н.И. Ашмарину. Помимо документирующего значения (факт работы по созданию Хрестоматии), письма эти представляют

²⁶ Только в письме Юдахина имеется упоминание о том, что "(Э.А.) Шмидт работу по словарю начал. Осенью надеется часть карточек представить" (18.VI.[1928]: РНБ. Ф. 671. Д. 332).

²⁷ Особенно подробно о лингвистических аспектах его исследований см. "Черновые материалы к работам о творчестве Бабура. Чернилами и карандашом. 85 л. Без даты" (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1 и л. 7).

интерес для понимания той ситуации и обстановки, в которой жили и трудились эти выдающиеся ученые в ранний послеоктябрьский период, выяснения их взаимоотношений, а также для конкретной детализации даже тех биографических вех каждого из них, которые нашли отражение в энциклопедических изданиях.

Тюрколог широкого профиля и основоположник чувашского языкознания и фольклористики Николай Иванович Ашмарин (см. о нем [Федотов 1995]) широко известен как составитель словаря чувашского языка приблизительно в 50 тысяч слов, богато иллюстрированных диалектным, фольклорным материалом [Ашмарин 1928–1950]. Самойлович в письме к В.В. Бартольду от 20.XI.1923 г. из Баку так отозвался о нем: "На днях сюда переселился Н.И. Ашмарин со своим чувашским словарем, единственный, по моему крайнему разумению, специалист по чувашелогии во всей России, но жизнь сильно потрепала этого достойнейшего и скромнейшего человека, и он пока нуждается прежде всего в отдыхе..." (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Самойлович в письме назвал этот словарь "драгоценным". Неизданными остались собранные им материалы устного народного творчества чувашей – около 30 томов, посмертно опубликовано лишь "Введение в курс чувашской народной словесности" [Ашмарин 1982]. Для научной биографии ученого небезынтересно излагаемое в письме свидетельство о том, как резко изменилось мнение А.Е. Крымского о Ашмарине (которого он знал в молодости) после ознакомления с трудами этого последнего.

В Чебоксарах в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273), как любезно сообщила нам Л.С. Левитская, хранятся шесть писем А.Н. Самойловича к Н.И. Ашмарину (там же имеются письма к Ашмарину от Б. Мункачи и К. Грэнбека). Самое раннее из них – от 6.V.1916 г.; самое позднее – от 18.IV.1930 г. В письме от 27.IX.1916 г. Самойлович сообщил Н.И. Ашмарину, что у себя на квартире В.В. Радлов выступил с сообщением о чувашском языке (главным образом, по материалам Ашмарина²⁸); присутствовали В.В. Бартольд, А.Д. Руднев, П.А. Фалев, С.Е. Малов, Б.Я. Владимирцов, Валидов Ахмед Зеки и А.Н. Самойлович.

Публикуемые 2 письма А.Н. Самойловича к Н.И. Ашмарину по нашей просьбе и по собственному выбору любезно ксерокопировал для нас доктор филологических наук Атнер Петрович Хузангай, за что приносим ему искреннюю признательность.

Первое из публикуемых писем (от 5.II.1925) относится к бакинскому периоду жизни Н.И. Ашмарина, который родился, вырос и всю свою жизнь (за исключением этого периода и лет учебы в Лазаревском институте восточных языков в Москве) прожил в Поволжье. Бакинскому периоду предшествовала работа в Симбирске, куда ученый в поисках лучшей доли для своего многодетного семейства (семеро детей) отправился, видимо, в 1918 г. См. свидетельство С.Е. Малова в письме к Самойловичу от 17 (4).VII.1918 г. из Казани: "Н.И. Ашмарин надумал зиму провести в Симбирске, куда его сманил Чувашский институт народного образования, пообещав всяких благ. По последним письмам (к Катанову) Ашмарин теперь готов опять приехать в Казань на прежние места, так как в Симбирске продовольственное положение несколько не лучше Казанского" (РНБ. Ф. 671. Д. 221)²⁹. В этом институте он читал курс чувашского языка.

1923–1926 годами датируется жизнедеятельность Ашмарина в Баку (работает заведующим кафедрой тюркологии на восточном факультете Азербайджанского

²⁸ В том числе, видимо, были использованы первые два выпуска его "Словаря чувашского языка", изданные в Казани в 1910–1912 гг.

²⁹ Приведем из письма С.Е. Малова к Самойловичу от 30.VIII.1922 г. еще одну цитату, ярко характеризующую нравственную атмосферу казанского жития этих ученых: "Нам всем троим – людям одной специальности (Катанову, Ашмарину и мне), никогда не было тесно в Казани, жили мы все согласно и дружно, и тем тяжелее мне приходится чувствовать здесь свое одиночество" (Н.Ф. Катанов, первый ученый, языковед и этнограф из хакасов, известный исследователь тюркских языков – умер; Н.И. Ашмарин – уехал в Симбирск) (РНБ. Ф. 671. Д. 221).

университета). В эти годы он занимается общетюркологической проблематикой, раз-
вертывает исследовательскую работу по азербайджанской диалектологии – ему при-
надлежит “Программа и инструкция по сбору диалектного материала”, а также моно-
графическое описание нухинских говоров [Ашмарин 1926]. В 1925 г. он получает зва-
ние доктора филологии. В эти же годы Ашмарин выступает с инициативой составле-
ния словаря тюркских народных говоров Азербайджана (см. об этом в первом письме
Самойловича); в результате реализации поставленной задачи в 1930 г. и 1931 г. вышли
в свет первые два выпуска I тома этого словаря. По мнению М.Ш. Ширалиева, своими
трудами, среди которых особое место занимает уникальное монографическое
исследование “Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи”, Н.И. Ашмарин
положил “начало подлинно научному изучению богатейших диалектов и говоров
азербайджанского языка” [Ширалиев 1970: 76].

Второе письмо (от 18.IV.1930) относится к последнему, казанскому периоду жизни
Ашмарина, когда он часто выезжал в Чебоксары по вопросам печатания очередных
выпусков своего словаря. В этих вопросах ему неизменно помогал Н.А. Резюков, яв-
лявшийся редактором некоторых выпусков; после смерти составителя (в 1933 г.) он
подготовил к печати выпуски 8–14. Похоронен Н.И. Ашмарин на Арском кладбище
в Казани.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность Лии Сергеевне
Левитской, чувашеведу и тюркологу-компаративисту: предлагаемая публикация пи-
сем, собственно, инициирована ею; ею же сообщены сведения о малоизвестных обсто-
ятельствах жизни Ашмарина, многие из которых ей довелось услышать от В.Г. Его-
рова; ею предоставлена мне основная литература о жизни и научном творчестве
ученого. Фактически Л.С. Левитская может быть признана моим соавтором в публи-
кации писем и составлении комментариев, которые касаются Н.И. Ашмарина.

А.Н. Самойлович – Н.И. Ашмарину

5.II.1925 Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Иванович. Отвечаю на Ваше письмо и теперь же
знаю, что долго, вероятно, придется мне ждать от Вас следующей вестки. Писали бы
чаще! Сношения с Вашим университетом меня сильно нервируют³⁰: Ваши коллеги
почему-то забывают, что о получении служебных документов необходимо
уведомлять, и я до сих пор не знал бы, если бы Вы не сделали приписку к Вашему
письму, что отзыв мой о Вас³¹ получен. Что касается Вашего вопроса о том, приеду ли

³⁰ См. письмо Самойловича академику В.В. Бартольдцу от 25.XI.1924 г., являющееся ответом
на сообщение последнего о том, в какой обстановке пришлось ему начать читать лекции в
Азербайджанском университете: “Вы являетесь прежде всего гостем университета, гостем сво-
их русских коллег, нашедших убежище в Баку, и их я в первую голову виню в том возмути-
тельном приеме, который Вы встретили в Азербайджане. Ректор университета размазня, хотя и
хороший человек... Университет и меня встретил так же, как и Вас. Заметив, что автономная
профессура ни на что не способна, кроме самопорки, я в 1923 г. повернулся к ней спиной и имел
далее дело с Наркомпросом (...). Сконфужен отчаянно, что мои хлопоты не увенчались
успехом. При свидании с Пепиновым или Кулиевым поставил им на вид, что Наркомпрос не
сможет далее рассчитывать на помощь ленинградцев, если отношение к ним университета не
изменится. Можно подумать, что университет против своей воли приглашает настоящих
востоковедов и затем делает все, чтобы отвадить их от поездок в Баку (...)” (ПФ АРАН. Ф. 68.
Оп. 2. Д. 219).

³¹ Судя по тому, как Самойлович напоминает, что “о получении служебных документов
необходимо уведомлять” (курсив наш. – Г.Б.), здесь, скорее всего, речь идет об официальном
отзыве Самойловича о научно-педагогической деятельности Н.И. Ашмарина в связи с пред-
стоящим присуждением ему “Звания доктора филологии”. Это звание было ему присвоено в
период, когда он преподавал в Баку на восточном факультете Азербайджанского университета
(1923–1926). С учетом этого письма датировка названного присуждения ученого звания должна

я читать весной, то ответ очень простой: Университет меня не пригласил, и это, думаю, должно было быть известно. Приглашение Наркомпроса ввиду этого я мог бы использовать (слово нрзб.) для чтения в каком-нибудь ином учебном заведении Азербайджанской республики, но несмотря на данное мною Кулиеву обещание, весной приехать не смогу, ибо до начала апреля занят здесь, в Ленинграде, и меня не пустят. Возможно, что в апреле перееду на месяц в Казань, куда меня приглашает тамошний Пед. институт. Ряд обстоятельств заставляет меня воздерживаться от посещения во избежание неприятных встреч и столкновений.

Хрестоматию продолжаю готовить: сижу над “Кутадгу билиг”. Одновременно с письмом Вам отправлю письмо (фамилия адресата нрзб.) по поводу этой самой хрестоматии и сошлюсь на Ваше заявление о существующей потребности в подобном пособии.

Рамстедта³² у меня нет, скажу Поппе³³, может быть, он пришлет его Вам. Сдал в печать краткую учебную грамматику османского языка³⁴; по напечатании пришлю Вам и заранее прошу строжайшего отзыва.

Н.Я. Марр был в Симбирске у чувашей и сделал о поездке интереснейший доклад об этих басках Восточной Европы. Я сочувствую изучению турецких языков в яфетическом освещении³⁵, но моя статья “От туранизма к яфетидизму” пишется крайне медленно³⁶. Скоро пришлю Вам несколько оттисков своих новых шалостей.

Как подвигается Ваш Азербайджанский словарь³⁷ и каково вообще положение туркологии в Обществе обследования и изучения Азербайджана?³⁸ Напишите.

быть ограничена 1925–1926 годами. Заметим вместе с тем, что к этому же времени относится написание и опубликование другого “отзыва” – рецензии Самойловича на работу Ашмарина “Подражания в языках Среднего Поволжья” [Самойлович 1926г].

³² Из числа работ Г.И. Рамстедта первой половины 20-х годов Ашмарин, видимо, имел в виду ту, которая непосредственно касалась его специальности, см. [Ramstedt 1922].

³³ Н.Н. Поппе был учеником А.Н. Самойловича, а в 1920–1921 учебном году – его единственным слушателем в Петроградском университете (см. об этом в письме Самойловича к В.В. Бартольдту от 22.I.1921 г.: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Не исключено, что именно поэтому А.Н. Самойлович был одним из тех немногих востоковедов советской России, о ком Поппе хорошо отзывался, см. [Алпатов 2001].

³⁴ См. [Самойлович 2002].

³⁵ Возможно, в этом “сочувствии” яфетической теории, наряду с лингвистическими факторами, сказался и такой экстралингвистический, как давняя симпатия А.Н. Самойловича к Н.Я. Марру. Ведь декан факультета Н.Я. Марр в числе других академиков вступил за него в 1915 г. на открытом заседании редколлегии ЗВО РАО [Протокол 1916 с. IX–XI], когда В.Д. Смирнов потребовал опубликовать его “резко отрицательный отзыв” на монографию Самойловича о туркменской исторической поэме XIX в. [Абду-с-Саттар, 1914]. В ПФ АРАН в описи фонда 800 (Н.Я. Марр) под № В-821 значатся семь писем А.Н. Самойловича (11 л.) – цифры эти зачеркнуты, запись на полях: “см. акт от 10.II.1939”, т.е. почти через год после расстрела Александра Николаевича последовало распоряжение об изъятии его писем к Н.Я. Марру. Уцелела только одна его открытка, адресованная Н.Я. Марру.

³⁶ Судя по “Списку трудов А.Н. Самойловича...”, составленному Ф.Д. Ашнинным [Ашнин 1978б: 275–288], статья под таким заглавием не была опубликована Самойловичем; возможно, материалы для нее были каким-то образом использованы в его статье “Туркология и новое учение о языке” [Самойлович 1935]? Н.И. Ашмарин, по свидетельству современников, весьма неодобрительно относился к деятельности Н.Я. Марра как “основателя яфетидизма”.

³⁷ В бакинский период, когда Ашмарин много и плодотворно занимался азербайджанской диалектологией, он, видимо, предполагал также работать над составлением словаря азербайджанского (“азербайджанско-турецкого” – в письме от 9.III.1924 г.) языка, о чем было известно Самойловичу. Однако этому замыслу не суждено было реализоваться из-за кратковременности (3 года) пребывания Н.И. Ашмарина в Азербайджане.

³⁸ В письме к В.В. Бартольдту из Баку от 30.X.1923 г. Самойлович сообщал: «Общество по исследованию Азербайджана утверждено давно, но собирается приступать к работе в “возрожденном” виде на этих днях. Этнография, история и археология входят, оказывается, в его программу. Вопрос об этом параллелизме был затронут в упомянутом заседании Археологического комитета, в коем присутствовали и представители названного Общества. Я высказался

Привели ли Вы в исполнение решение отдать Ваши чувашские словарные материалы для незамедлительного (?начало слова нрзб.) издания? Приведите!

2 февраля было годовое заседание Российской Академии наук, и я оказался среди лиц, избранных в члены-корреспонденты по отзыву академика В.В. Бартольда³⁹. Это избрание полезно для меня в том смысле, что обязывает к серьезной работе; сознаю, что только крайне снисходительное отношение к моим трудам могло доставить мне это звание.

Привет Вам и Вашей семье. Ваш А. Самойлович.

18.IV.1930 Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Иванович. Только сегодня отвечаю на Ваше любезное письмо от 27 февраля. Готовясь к отъезду в Алма-Ату на IV пленум ВЦК Нового алфавита, приводил в порядок два своих письменных стола, на коих "отгрыл" несколько своих незаконченных работ и более десятка писем, остававшихся без ответа, в том числе и Ваше. На Ваше письмо отвечаю в первую голову, прошу простить мою медлительность или, вернее, халатность. Так много всяких забот по многочисленным служебным обязанностям, что трудно (слово нрзб.) собраться с мыслями для писанья писем в течение учебного года, и только прекращая работу для выездных предприятий, можно (слово нрзб.) урвать несколько часов для приведения в некоторый порядок запущенных дел.

Благодарю Вас очень за выпуски Вашего драгоценного словаря. О нем у меня была речь с Крымским, когда некоторое время тому назад я виделся с ним в Киеве. Крымский печатает труд по истории тюркологии на украинском и французском языках, в котором, конечно, касается и Вас⁴⁰. Он при этом вспомнил мой спор с ним в Баку во время Туркологического съезда⁴¹, когда Вы стояли на кафедре и делали свой доклад. Крымский тогда хвастался тем, что в свое время основательно, будто бы, предпочел Гордлевского Вам в вопросе об оставлении при Лазаревском институте⁴². Теперь,

против дробления сил, и большинство оказалось того же мнения. Едва ли, однако, Общество сдастся по этому вопросу, и, вероятно, сама жизнь же похерит наметившийся параллелизм. Победит тот, кто прежде всего будет богат средствами. В обсуждении этого вопроса, по-видимому, мне еще раз придется принять участие уже в заседании не Комитета, а Общества или его организаторов» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Через год в письме от 25.XI.1924 г. Самойлович пишет Бартольду, что в Баку "во второй (раз) я был гостем Общества обследования Азербайджана и встретил, как Вам рассказывал, совершенно иной прием" (нежели в университете) (Ф. 68. Оп. 2. Д. 219), см. об этом выше.

³⁹ То, что Самойлович написал об избрании его членом-корр. АН СССР, позволяет внести коррективы в опубликованные ранее сведения. Итак, Самойлович был избран членом-корр. АН СССР 2 февраля 1925 г., а не "в 1924 г.", как было напечатано прежде [Ашнин 1978а: 12].

⁴⁰ См. [Крымский 1972–1974].

⁴¹ I Всесоюзный тюркологический съезд, одним из инициаторов и организаторов которого был А.Н. Самойлович, состоялся 26 февраля – 5 марта 1926 г. в г. Баку.

⁴² Н.И. Ашмарин (1870–1933), потомок ярославских крепостных, сын купца 2-й гильдии, из-за торговых дел отца вращаясь в чувашской среде г. Курмыш, где жила их семья, в 13 лет овладел чувашским языком настолько, что мог свободно изъясняться на этом языке. Слушая лекции по турецкому языку в Лазаревском институте восточных языков (ЛИВЯ), не мог не подметить его сходства с чувашским и со студенческой скамьи стал собирать материал по этому мало изученному тогда языку [Егоров 1948]. После окончания ЛИВЯ (1894 г.) в 1895–1899 гг. преподавал в Казани в крещено-татарской школе и инородческой учительской семинарии.

В.А. Гордлевский (1876–1956) окончил ЛИВЯ в 1899 г., затем учился на историко-филологическом факультете Московского университета, по окончании которого был командирован в Турцию, где собирал материалы по турецкому языку и фольклору. После двух лет пребывания в Турции и Сирии занимался в Париже – в Коллеж де Франс и в Сорбонне. С 1907 г. преподавал турецкий язык и литературу в ЛИВЯ.

в Киеве, после подробного изучения Ваших творений он признал мою правоту.

На Западе по тюркологии делается мало. Банг выпустил две тетради манихейских текстов⁴³. Пришло Вам, ибо он присылает мне по несколько экземпляров.

В Харькове в "Східном Світі" печатается по-украински⁴⁴ новая редакция моей классификации турецких языков, которую я докладывал на Украинском съезде востоковедов в ноябре 1929 г. Когда выйдет, тоже вышло. Посылаю и сейчас то небольшое, что у меня имеется в отдельных оттисках, из последних моих работ.

Выезжаю 25 апреля, должен вернуться 5 июня. Буду, кроме Алма-Аты, в Ашхабаде и Самарканде.

Привет от нас обоих Вашей супруге и потомству. Отец, который очень Вами интересуется, тоже Вас приветствует⁴⁵.

Искренне Вас почитающий А. Самойлович.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абду-с-Самтар казы*. 1914 – Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н. Самойлович. СПб., 1914 (Изд. фак-та вост. языков. СПб. ун-та. № 34).
- Абрамзон С.М.* 1978 – А.Н. Самойлович – этнограф // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
- Азимов П., Чарыяров Б.* 1973 – А.Н. Самойлович и туркменское языкознание // СТ. 1973. № 5.
- Алпатова В.М.* 2001 – Переписка Н.Н. Поппе с советскими востоковедами // ИАН ОЛЯ. 2001. № 5.
- Ашмарин Н.И.* 1901 – Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880–1895 годы // Изд. под ред. А.Е. Крымского. М., 1901.
- Ашмарин Н.И.* 1926 – Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи: 1–3. Баку, 1926 (Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Вып. 6).

А.Е. Крымский (1871–1942) окончил ЛИВЯ в 1892 г. и историко-филологический факультет Московского университета в 1896 г. После двухлетней командировки в Сирию и Ливан с 1898 г. по 1918 г. преподавал в ЛИВЯ (профессором которого стал в 1900 г.) на кафедре арабской словесности и истории мусульманского Востока, в разные периоды вел также занятия по персидской или тюркской словесности [Кононов 1989: 30, 76, 137]. Возможно, что, так сказать, "усредненное" впечатление от Н.И. Ашмарина сложилось у Крымского еще в начале XX в., когда он выступил редактором одной из ранних работ последнего [Ашмарин 1901]. Наверное, способствовал этому и внешний облик ученого, немногословного и даже молчаливого, сильно худощавого, всегда словно утомленного жизнью и чем-то удрученного. Характерно, что из всех своих сверстников по ЛИВЯ В.И. Гордлевский дожил до 80-летия и счел своим долгом почтить память Н.И. Ашмарина [Гордлевский 1956].

⁴³ См. [Bang 1929; 1930].

⁴⁴ Видимо, А.Н. Самойлович свободно писал и изъяснялся на украинском языке; во всяком случае, в личном листке по учету кадров в графе "национальность" его рукой проставлено: "украинец" (РНБ. Ф. 671. Д. 1). См. также другую его статью в журнале "Східний світ" [Самойлович 1929]. Что же касается упоминаемой в письме статьи, содержащей "новую редакцию" его классификации тюркских языков, то в Списке трудов А.Н. Самойловича [Ашнин 1978б] таковая не числится. См. более раннюю редакцию названной классификации в [Самойлович 1922].

⁴⁵ Отца А.Н. Самойловича, Н.Я. Самойловича, в свое время служившего в Нижнем Новгороде директором классической гимназии, Ашмарин интересовал, прежде всего, как выпускник этой гимназии. Кроме того, его привлекала и необычность биографии Н.И. Ашмарина: внук крепостного из Ярославской губернии (правда, оттуда тот прибыл в г. Ядрин уже офеней и открыл там свою торговлю), сын купца II гильдии, Ашмарин, в жилах которого текла и чувашская кровь (чувашкой была мать, по версии Н.А. Резюкова, его ученика и соратника, а по другой версии – бабушка [Гордлевский 1956]), читавший научную литературу, по свидетельству сына – В.Н. Ашмарина, на 25 языках, начинал свою педагогическую деятельность в Казани в крещено-татарской школе и инородческой учительской семинарии, а через 30 лет – в 1929 г. – был избран членом-корр. АН СССР.

- Ашмарин Н.И.* 1928–1950 – Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань; Чебоксары, 1928–1950.
- Ашмарин Н.И.* 1982 – Введение в курс чувашской народной словесности // Сб. Чувашской фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982.
- Ашнин Ф.Д.* 1978а – Александр Николаевич Самойлович 1880–1938 // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
- Ашнин Ф.Д.* 1978б – Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. Ф.Д. Ашнин // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
- Баскаков Н.А.* 1973 – А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // СТ. 1973. № 5.
- Березин И.Н.* 1857 – Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань, 1857.
- Благова Г.Ф.* 1993 – Из истории тюркской текстологии. А.Н. Самойлович – исследователь "Бабур-наме". М., 1993.
- Благова Г.Ф.* 1997 – Академик А.Н. Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура / Подг. к изд.: Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем // Восток. 1987. № 6.
- Благова Г.Ф.* 1999 – Академик А.Н. Самойлович и его *Турецкие этюды* (Из архива незаконченных работ-рукописей) // РО. Т. LII. Z. 1. 1999.
- Благова Г.Ф.* 2000 – Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А.Н. Самойловича // РО. Т. LIII. Z.1.2000.
- Благова Г.Ф.* 2002 – О нереализованных научных планах А.Н. Самойловича // Востоковедение в Петербурге. [Вып]. 10. СПб., (в печати).
- Боровков А.К.* 1949 – Очерки по истории узбекского языка. 2. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского "тефсира" XIV–XV вв. // Сов. востоковедение. Т. 6. Л., 1949.
- Боровков А.К.* 1960 – Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка // Лексикографический сборник. Вып. VI. М., 1960.
- Боровков А.К.* 1963 – Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1963.
- Гордлевский В.А.* 1956 – Памяти Н.И. Ашмарина // Уч. зап. НИИ языка, лит-ры, истории, экономики при СовМин'е ЧувашАССР. Вып. 14, 1956.
- Дмитриев Н.К.* 2001 – Восточная филология в Московском университете // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М., 2001.
- Дмитриева Л.В.* 1978 – Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
- Егоров В.Г.* 1948 – Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948.
- Кононов 1989* – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е / Перераб., подг. А.Н. Кононов. М., 1989.
- Кримський А.Ю.* 1972–1974 – Твори в п'яти томах. I–V. Київ, 1972–1974.
- Мелиоранский П.М.* 1900 – Памятник в честь Кюль Тегина // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. об-ва. 1900. Т. 12.
- Мелиоранский П.М.* 1902 – Турецкие наречия и литературы // Энциклопедический словарь / Изд. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXIV. СПб., 1902.
- Мелиоранский П.М.* 1908 – Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст / Посмертное издание П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича. СПб., 1908 (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та. № 27).
- Наджип Э.Н.* 1961 – Хорезми. Мухаббат-наме / Изд. текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа. М., 1961.
- Протокол 1916 – Протокол заседания Восточного отделения Имп. Русского археологического общества // Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археолог. об-ва. 1916, т. XXIII.
- Самойлович А.Н.* 1916а – Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.
- Самойлович А.Н.* 1916б – Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Вып. 1. – Текст / Собрал А. Самойлович. Ташкент, 1916.
- Самойлович А.Н.* 1917а – Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I. – Текст. Пг., 1917 (Изд. фак-та вост. языков Пг. ун-та. № 44).
- Самойлович А.Н.* 1917б – Четверостишия-туйуги Неваи // Мусульманский мир. Вып. 1. Пг., 1917.

- Самойлович А.Н.* 1922 – Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922 (Петрогр. ин-т живых восточных языков. 4).
- Самойлович А.Н.* 1924 – Из поправок к изданию и переводу "Кутадгу билиг" // Докл. АН. Сер. В. 1924, окт.-дек.
- Самойлович А.Н.* 1926а – Чагатайские туюги Лютфи // Докл. АН. Сер. В. 1926, май–июнь.
- Самойлович А.Н.* 1926б – Из туюгов чагатайца Эмири // Докл. АН. Сер. В. 1926, май–июнь.
- Самойлович А.Н.* 1926в – Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи "Мизану-ль авзән" // Восточный сборник. Л., 1926.
- Самойлович А.Н.* 1926г – Рец. на: Н.И. Ашмарин. Подражания в языках Поволжья (отг. из "Изв. Азерб. гос. ун-та им. В.И. Ленина", 1926).
- Самойлович А.Н.* 1927а – Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV. Атай // Зап. Коллегии востоковедов. Т. 2. Вып. 2. Л., 1927.
- Самойлович А.Н.* 1927б – Хивинские туюги XIX века // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
- Самойлович А.Н.* 1927в – Отрывок из "Теашшук-наме" с игрою рифмующих слов // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
- Самойлович А.Н.* 1927г – Один из списков "Родословного древа Туркменского" Абуль-газихана // Докл. АН. Сер. В. 1927. № 2.
- Самойлович А.Н.* 1927д – Из истории туркменской литературы // Туркменская искра. Ашхабад. 18 февр. 1927. № 40.
- Самойлович А.Н.* 1928а – Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгубилиг // Докл. АН. Сер. В. 1928. № 2.
- Самойлович А.Н.* 1928б – К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Сб. Мир-Али-Шир. Л., 1928.
- Самойлович А.Н.* 1929 – Про грамоту Османа II насадкам иудейки Кіри // "Східний Світ". Харків. 1929. № 3 (9).
- Самойлович А.Н.* 1934 – Советское востоковедение ленинской эпохи // Памяти В.И. Ленина. Сб. статей к 10-летию со дня смерти. 1924–1934. М.; Л., 1934.
- Самойлович А.Н.* 1935 – Туркология и новое учение о языке // Сб. Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л., 1935.
- Самойлович А.Н.* 1994 – Новый перевод Записок Бабура // ИАН ОЛЯ. 1994. № 1.
- Самойлович А.Н.* 1997 – VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Г.Ф. Благовой // ВЯ. 1997. № 2.
- Самойлович А.Н.* 2002 – Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка / Репринт. изд. 1925 г. с дополнением и исправлениями. Под наблюдением и с предисловием Г.Ф. Благовой и Д.М. Насилова. М., 2002.
- Тамашивили А.О.* 2000 – Ссылаясь на Сталина... (К проблеме мифологизации роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения) // Восток. 2000. № 6.
- Толстой И.И.* 1996 – Письма // С.В. Меликова, И.И. Толстой. "Любовь, купленная страданиями...". Роман в письмах // журн. "Звезда". СПб., 1996. № 9.
- Усманов М.А.* 1978 – А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
- Федотов М.Р.* 1995 – Н.И. Ашмарин: Краткий очерк жизни и деятельности. Чебоксары, 1995.
- Ширалиев М.Ш.* 1970 – Н.И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии (К 100-летию со дня рождения) // СТ. 1970. № 6.
- Bang W.* 1929 – Bang W. und Gabain A., von. Türkische Turfan-Texte II. Manichaica // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph-hist. Kl. (далее – SPAW). Berlin, 1929. Bd. XXII.
- Bang W.* 1930 – Bang W. und Gabain A., von. Türkische Turfan-Texte III. – Der groß Hymnus auf Mani // SPAW. Berlin, 1930. Bd. XXIII.
- Brockelmann C.* 1954 – Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasien. Leiden. 1954.
- Ramstedt G.J.* 1922 – Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // JSFOu. T. XXXVIII. Fasc. 1. Helsinki, 1922.